

ИСТОРИЯ НАУКИ

© 1994 г., ЭО, № 4

Т. Д. Соловей

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПЫПИН И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На протяжении последней трети XIX в. одной из самых заметных фигур в отечественной историографии, литературоведении, славистике, этнографии был А. Н. Пыпин (1833—1904). Его общественно-политические взгляды пользовались популярностью как среди либеральной общественности, так и у представителей радикально-демократического лагеря.

Не замыкаясь в сфере какой-либо узкой специальности, Пыпин сознательно стремился к полноте и законченности своего научного кругозора. Глубокий знаток истории русского просвещения и литературы, он обладал прочными знаниями в самых разнообразных областях, «фактически стоял во главе всего нашего научного движения»¹.

Творчество А. Н. Пыпина свидетельствует о его широкой образованности. Он владел не только западноевропейскими языками, но также чешским и сербским. Необычайное трудолюбие (список его трудов насчитывает свыше 1200 названий²) сочеталось с острым умом ученого. Он проводил исследования во многих областях гуманитарного знания, «освещая поставленные вопросы на особенно широком историческом фоне»³.

Литература, посвященная А. Н. Пыпину, обширна. Вместе с тем до сих пор наибольшее внимание исследователей привлекала биография «типичного шестидесятника»⁴.

В жизни Пыпина был период, имевший особое значение, — время близкого общения с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и их кружком. Система его научных воззрений и общественных взглядов сложилась под непосредственным воздействием этого кружка и не без влияния А. И. Герцена⁵.

Предметом специального внимания исследователей были также юношеские годы А. Н. Пыпина⁶, эпизод с избранием его в академики⁶, дело о присвоении Пыпину степени доктора русской литературы⁷.

Среди работ биографического характера⁸ выделим юбилейную литературу⁹, вышедшую в связи с празднованием 50-летия исследовательской и литературной деятельности академика А. Н. Пыпина, которое состоялось в 1903 г.

Гораздо скромнее по объему историография, посвященная анализу научного наследия Пыпина¹⁰. Между тем еще в 1910 г. Н. Пиксанов сформулировал главные задачи историографического изучения научного творчества Пыпина, в том числе необходимость точнее определить состав его научных трудов, а также их «литературное окружение», т. е. «критическую и полемическую литературу, появлявшуюся в связи с сочинениями Пыпина»¹¹. Н. Пиксанов особо обратил внимание на отсутствие в историографии «отчетливого сопоставления — в широких перспективах развития литературной истории — трудов Пыпина с предшествовавшими и современными ему исследованиями»¹².

Указанные задачи применительно к научному наследию А. Н. Пыпина в

¹ Впрочем, в отечественной историографии нет работ, посвященных специально анализу воздействия взглядов Чернышевского и Герцена на А. Н. Пыпина.

области славистики были квалифицированно решены в монографии Л. П. Лаптевой «Русская историография гуситского движения» (М., 1978). Согласно ее точке зрения, научные принципы Пыпина вполне соответствовали его мировоззрению представителя лагеря либеральной интеллигенции. Ученый стремился к исследованию исторических фактов и к раскрытию на их основе внутренних процессов изучаемого явления. Пыпин не был свободен от субъективных суждений и допускал иногда произвольные толкования, что отмечали его критики¹³. Однако, подытоживает Л. П. Лаптева, «эта субъективность не сравнима с недостатками, свойственными славянофильской школе историков»¹⁴.

Н. Пиксанов, вновь обратившийся к оценке научного творчества А. Н. Пыпина в 1933 г., определил научный метод исследователя в истории и литературоведении как «культурно-исторический и либерально-дидактический»: Пыпин рассматривал литературу как часть общественной истории, «придавал ей значение наглядной иллюстрации к общественным движениям»¹⁵.

Этнографические аспекты научной деятельности Пыпина не были предметом специального историографического изучения.

Обратимся к биографии ученого, выделив те вехи, которые оказали воздействие на формирование его научного метода, а также предопределили направленность и содержание созданной Пыпиным концепции истории русской этнографии.

С самого детства А. Н. Пыпин находился под сильным влиянием своего двоюродного брата Н. Г. Чернышевского, хотя и не следовал за ним во всем. В 1849 г. он поступил в Казанский университет, но вскоре переехал в Петербург, где продолжал университетское образование. В Петербурге определился его интерес к славистике, стимулированный лекциями И. И. Срезневского.

В 1857 г. он блестяще защитил магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». Со временем литературно-исторические интересы Пыпина сосредоточились в двух областях древнерусской литературы: древнерусские апокрифы, древнерусские «отреченные книги», а также старинные русские повести и сказания.

В 1858 г. Пыпин был командирован с ученой целью за границу сроком на два года, а по возвращении в 1860 г. назначен экстраординарным профессором на кафедру всеобщей истории литературы Петербургского университета. Однако уже в ноябре 1861 г. он подает в отставку, причиной которой стало несогласие с официальными мерами по отношению к университетскому студенчеству: ученый не мог содействовать проведению мер «явно вредных для спокойного течения академической жизни и унижающих для достоинства университета»¹⁶. После этого Пыпин уже не возвращался на университетскую кафедру, обратившись к занятиям журналистикой.

Широко известна его деятельность в «Современнике», с которым он сблизился благодаря Чернышевскому. В начале 60-х годов «Современник» стал объектом правительственных гонений: в мае 1862 г. издание журнала было приостановлено на 8 месяцев, а 12 июня 1862 г. арестован Чернышевский. В последний год существования «Современника» (1865/1866 г.) Пыпин продолжал участвовать в нем в качестве ответственного редактора.

После закрытия «Современника» Пыпин перешел в «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича, где работал до конца жизни сотрудником и членом редакции и где опубликовал подавляющее большинство своих трудов¹⁷.

Долгие годы журналистского труда наложили отпечаток на характер научных исследований Пыпина. Он привнес в них остроту и яркость своей публицистики. К счастью, журналистика «не убила в нем ученого»¹⁸.

«Политическая неблагонадежность» Пыпина-журналиста заметно сказалась на его ученой карьере. Власть решительно воспротивилась избранию его в Академию наук в 1871 г. Постановление Академии не было утверждено, поскольку тогдашний министр народного просвещения граф Д. А. Толстой сумел убедить государя в том, что работы Пыпина «имеют характер эфемерных произведений,

без строго научных приемов исследования и при том с тенденциозным направлением, обличающим в писателе политические взгляды и мысли, далеко не соответствующие нашему государственному устройству»¹⁹.

В 1891 г. министр народного просвещения вновь не утвердил ходатайство — на этот раз Казанского университета — о возведении Пыпина в степень доктора русской словесности без представления диссертации, хотя ученый к тому времени, безусловно, заслуживал такого отличия. В Академию наук Пыпин был допущен лишь в 1899 г.

В споре между славянофилами и западниками Пыпин несомненно был близок к последним²⁰. Западническая ориентация, лежавшая в основе его концепции философии истории, определила подходы ученого к изучению славянства и обусловила взгляд на духовное развитие русского народа.

Русский народ, писал Пыпин, «по происхождению принадлежащий к одному племени с культурными народами Европы, обладающий христианским просвещением, несомненно способный к восприятию науки, создавший — при всех трудных условиях — замечательную поэтическую литературу, обнаруживает все основные данные *европейского характера*, и его будущее должно совершаться в сфере высших умственных и нравственных приобретений европейского образования». Европейская культура «не заключает в себе ничего враждебного „славянским“ началам»²¹.

В наибольшей степени Пыпина интересовало развитие русского национально-го самосознания — в широком смысле этого слова — насколько это «самосознание выражается в развитии просвещения, науки, поэтической литературы, публицистики, в общем ходе и расширении общественной мысли»²². В русле изучения этой проблемы должно было идти исследование «народно-поэтических воззрений и обрядового быта», составляющих, по мнению Пыпина, «материал этнографии»²³.

Пыпин видел задачи настоящей науки в создании работ обобщающего характера. «Отдельные области науки, — говорил он, — оставались необъединенными; история общества и литературы, этнография, изучение народного творчества, славяноведение стояли рядом, но как бы чуждые специальности, и отдельные отрасли не имели общих изложений, которые могли бы служить опорой для начинающих»²⁴.

Воплощением этой тенденции стал один из самых значительных трудов в научном творчестве Пыпина — «История русской этнографии», составленная из журнальных статей, написанных в разное время и опубликованных главным образом в «Вестнике Европы».

В сущности из-под пера ученого вышло пособие, рисующее широкую картину развития русской историографии в ее связи с историей общественной мысли в России.

В каждой строке «Истории» чувствуется прежде всего публицист, а потом уже ученый. Эта ее особенность верно была схвачена А. Соболевским, автором единственной рецензии на книгу Пыпина.

Оценивая деятелей русской науки, Пыпин в первую очередь исходил из их общественно-политических позиций, а потому его западничество мешало «отдать должное деятелям, которые не принадлежали к либерально-западническому лагерю»²⁵.

С позиций представителя либеральной интеллигенции Пыпин особенно приветствовал развитие отечественной науки, начиная с конца 50-х годов. Принципиально иной точки зрения придерживался автор рецензии, полагавший, что не следует переоценивать научные достижения третьей четверти века: «...разработка тех отделов науки, в которых г. Пыпин по преимуществу чувствует себя специалистом, очень слаба по сравнению с разработкой соответствующих отделов западной науки»²⁶.

Впрочем, о состоянии этнографических исследований на Западе автор «Истории русской этнографии» не сообщал ровным счетом ничего. «Отсутствие ука-

заний по истории этнографии на западе» показалось А. Соболевскому очень важным пробелом, поскольку «без них едва ли возможна правильная оценка того, что сделано нами»²⁷.

Несомненным следствием общественно-политической позиции Пыпина был его своеобразный «учено-литературный аристократизм». Он проявился, например, в том, что автор «Истории» преувеличивал заслуги Академии наук, Географического общества, Общества истории и древностей и недооценивал роль «мелких, часто анонимных тружеников», которые занялись собиранием этнографического материала раньше, «чем на него обратила внимание Академия наук (она только пошла за общим течением), чем было основано Географическое общество (его основание — результат того же общего течения)»²⁸.

Однако справедливые упреки рецензента не могли отменить признанного им же самым главным достоинством «Истории русской этнографии»: это был «первый опыт исследования в такой области, какой ни в общем, ни в частностях почти никто не касался»²⁹.

«История русской этнографии», несущая на себе яркий отпечаток общественных и историко-литературных воззрений Пыпина, почти ничего не говорит о программных установках ученого в отношении этнографии: ее предмете, задачах, методах, основных понятиях, с которыми она имеет дело.

Хотя, если верно предположение о том, что автором публикуемой ниже статьи «Как понимать этнографию?» является А. Н. Пыпин³⁰, то указанный пробел в определенной степени можно восполнить. Потому что неподписанная заметка, опубликованная в «Современнике» в 1865 г., когда Пыпин стал ответственным редактором журнала, содержит широкую программу конкретного и беспристрастного изучения народного быта, правдивого его описания, без попыток уйти от живой жизни в область отвлеченных умозрений.

Появление статьи «Как понимать этнографию?» было вызвано полемикой редакции «Современника» со славянофильским журналом «День», который нашел неприличным и «скандальным» описание деревенского быта в этнографическом очерке Кадниковского уезда, помещенном в «Современнике» за 1864 г. (№ 10) — сообщение о грубых нравах молодежи, «игрищах» и проч. На это обвинение автор отвечает, что этнография «не есть этнография ученых цитат и ссылок на индийскую мифологию г. Буслаева, а этнография живых сцен и живых обычаев»³¹.

Но все же общий взгляд на состояние русской этнографии и ее задачи, изложенный автором в яркой, полемичной форме, представляет собой скорее блестящий образец журнальной публицистики демократического толка и гораздо менее претендует на строго научный подход, которого можно было бы ожидать от ученого-этнографа.

Примечания

¹ Архангельский А. Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы // Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1904 (№ 2). С. 73.

² Барсков Я. А. Список трудов академика А. Н. Пыпина. СПб., 1903.

³ Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. (40-е годы XIX в.— 1917 г.). М., 1978. С. 106.

⁴ Сакулин А. Н. А. Н. Пыпин. Его научные заслуги и общественные взгляды // Вестник воспитания. 1905. № 4. С. 102.

⁵ Юдин П. Л. Из юношеских лет А. Н. Пыпина // Исторический вестник. 1908. № 8. С. 557—566.

⁶ Семевский В. И. Памяти А. Н. Пыпина // Русская мысль. Декабрь 1904. (№ 12).

⁷ Архангельский А. С. Дело о возведении А. Н. Пыпина в степень доктора русской словесности // Ученые записки Казанского университета. 1903. Июль—август. С. 1—10.

⁸ Глинский Б. Александр Николаевич Пыпин // Исторический вестник. 1905. Т. 99. № 1. С. 263—308; Костомаров Н. И. Воспоминания об А. Н. Пыпине // Юбилейный сборник литературного фонда. СПб., 1910; Миллюков П. А. Н. Пыпин... Б/м. и г.; Пиксанов Н. К. Памяти А. Н. Пыпина // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1910. Т. XV. Кн. 3. С. 220—228.

⁹ Быков П. А. Н. Пыпин // Природа и жизнь. 1903. № 17; Веселовский А. К характеристике А. Н.

Пыпина (отголоски юбилея)//Русские ведомости. 1903. № 94; Юбилей А. Н. Пыпина//Киевская старина. 1903, май. Т. 81. С. 102—105.

¹⁰ *Архангельский А.* Труды академика А. Н. Пыпина в области истории русской литературы; *Кораблев В. Н.* Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос//Вестник АН СССР. 1933. № 8—9. С. 67—78; *Мельц М. Я.* Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян//Русский фольклор. Вып. 8. М.; Л., 1963; *Ткаченко П. С.* Новые материалы об А. Н. Пыпине//Русская литература. 1967. № 4. С. 119—121.

¹¹ *Пиксанов Н. К.* Указ. раб. С. 224.

¹² Там же. С. 227.

¹³ *Глинский Б.* Указ. раб. С. 23; *Мельц М. Я.* Указ. раб. С. 263.

¹⁴ *Лаптева Л. П.* Указ. раб. С. 108.

¹⁵ *Пиксанов Н. К.* Академик А. Н. Пыпин//Вестник АН СССР. 1933. № 4. С. 42.

¹⁶ *Сакулин А. Н.* Указ. раб. С. 113.

¹⁷ Каталог журнала «Вестник Европы» за 25 лет, 1866—1890 гг., с алфавитным указателем имен авторов. СПб., 1891.

¹⁸ *Сакулин А. Н.* Указ. раб. С. 120.

¹⁹ Цит. по: *Сакулин А. Н.* Указ. раб. С. 114.

²⁰ См.: *Лаптева Л. П.* Указ. раб. С. 102—114.

²¹ *Пыпин А. Н.* История русской литературы. Т. I. СПб., 1898. С. 54.

²² *Архангельский А.* Труды академика А. Н. Пыпина... С. 108.

²³ *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. I. СПб., 1890. С. 15.

²⁴ *Пыпин А. Н.* Мои заметки//Вестник Европы. 1905, февраль. С. 493—494.

²⁵ *Соболевский А.* Рец. на: А. Н. Пыпин. История русской этнографии. Т. I—II. СПб., 1890—1891//Журнал Министерства народного просвещения. 1891, февраль (№ 2). С. 413.

²⁶ *Соболевский А.* Указ. раб. С. 414.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 419.

²⁹ Там же. С. 430.

³⁰ См.: *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966. С. 278.

³¹ Как понимать этнографию?//Современник. 1865. № 2. С. 179.

Alexandr Nikolayevich Pypin and His Place in Russian Historiography

The paper is a biographical essay of the A. N. Pypin's contribution to Russian historiography, literary criticism and Slavic studies.

T. D. Solovei

© 1994 г., ЭО, № 4

А. Н. Пыпин

КАК ПОНИМАТЬ ЭТНОГРАФИЮ?

(посвящается «Дню»)

Господин в мундире. Да, тривиально, тривиально!

(Гоголь, «Разъезд»)

Выставленный вопрос можно бы, по-видимому, считать не требующим особенных объяснений, когда наша литература только и говорит, что об изучении народа, наполняется множеством этнографических описаний, очерков, рассказов и т. п., и когда газетные патриоты на каждом десятом слове ссылаются на народные интересы и выдают себя за настоящих истолкователей национальных свойств и истинных желаний и потребностей народа. По-видимому, народ должен быть достаточно изучен и понятия об этнографии должны быть совер-